

ВЯЧЕСЛАВ МАНЯГИН

АПОЛОГИЯ ГРОЗНОГО ЦАРЯ

ИОАНН ГРОЗНЫЙ БЕЗ ЛЖИ И МИФОВ

Вячеслав Манягин

**Апология Грозного царя. Иоанн
Грозный без лжи и мифов**

«Книжный мир»

2015

Манягин В. Г.

Апология Грозного царя. Иоанн Грозный без лжи и мифов /
В. Г. Манягин — «Книжный мир», 2015

ISBN 978-5-8041-0789-6

Он взял Казань и Астрахань, создал современное Государство Российское, а его вычеркнул из проекта памятника «Тысячелетие России» император Александр II. Православный народ вписал его имя в число святых – а православные иерархи называют его маньяком и убийцей. Он за 50 лет своего правления казнил в 8 раз меньше, чем французский король Карл IX убил за одну Варфоломеевскую ночь – а историки объявили его величайшим тираном всех времен и народов. Он за всю свою жизнь ни разу не пропустил церковной службы – а ему приписали убийство митрополита Филиппа и собственного сына. О нем лгали при жизни и после смерти. Но настало время очистить от клеветы память великого русского царя Ивана Грозного. Он скончался более 400 лет назад, но имя его и поныне вызывает острый интерес. Одни видят в нем кровожадного злодея, другие – великого исторического деятеля, третьи почитают его как святого. Сегодня о нем говорят и с высоких трибун, и на церковных соборах. И это не случайно. Вопрос об исторической роли Грозного царя – это вопрос о власти. Сегодня Россия нуждается в железной руке, способной привести ее к победе сквозь грядущие испытания. В XVI веке московскому государю удалось не только спасти Русь от распада, но и превратить ее в великую империю. Каким был этот царь? Что значил он для нашей страны и для всего мира? Смогут ли сегодняшние вожди России воспользоваться политическим и духовным наследием Ивана IV? Об этом новая книга писателя и журналиста Вячеслава Манягина.

ISBN 978-5-8041-0789-6

© Манягин В. Г., 2015

© Книжный мир, 2015

Содержание

Часть I	7
Вопрос о власти	7
Карамзин – фальсификатор истории	11
Не зарастет к царю народная тропа...	15
Мистическая геополитика	19
Часть II	23
Сравнительная историография	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вячеслав Манягин
Апология Грозного царя. Иоанн
Грозный без лжи и мифов

© Манягин В.Г., 2015

© Книжный мир, 2015

Часть I

На баррикадах истории

Вопрос о власти

«Если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?» – сказал поэт. А если в обществе не прекращается спор на грани скандала? Если нет в нем равнодушных, и каждый, узнав о дискуссии, спешит занять свое место по ту или иную сторону баррикад? Не значит ли это, что объект спора зацепил всех за живое?

Именно такова дискуссия о царе Иоанне Грозном. Несмотря на то, что он скончался более четырехсот лет назад, имя его и поныне вызывает острый интерес. О нем спорят политики и богословы, патриоты и космополиты, о нем пишут (причем – все больше и больше) журналисты и писатели, а обыватель с ненасытной алчностью набрасывается на их писания, скупая монографии, очерки и романы о Грозном царе.

С чем же связан такой интерес к нему, чем объясняется его актуальность, его востребованность как политика и национального лидера для одних, и резкое неприятие – для других?

Сегодня Россия находится в условиях, подобных тем, что были при воцарении Иоанна Грозного: значительные территории Русской империи (Малороссия, Белая Русь, Северный Казахстан) отторгнуты от центра; в политике вместо прежних изменников-бояр – пятая колонна; в Церкви рвутся к власти еретики и филокатолики; России угрожают сильные внешние враги. В Прибалтике, подобно Ливонскому ордену, стоят войска НАТО, Украина вновь стала полем боя с Европой, на юге бряцают оружием новые османы – боевики возрождающегося Халифата, на востоке – китайская инвазия и японские претензии вынуждают крепить границу И над всем, как злой демон, витает призрак американского Госдепа с лицом бесноватой Псаки. Вновь, как уже не единожды за прошедшие века, стоит вопрос о самом существовании Русского государства и русского народа.

Удивительно ли, что в этих условиях русский народ все чаще вспоминает двух великих деятелей нашей истории – царя Ивана Васильевича Грозного и генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина.

Один известный архимандрит-историк восклицает в своей статье: «Сегодня личность Ивана Грозного переживает необычайное мифологическое переосмысление»¹. Ему ли, историку, иноку, знатоку человеческих душ, не ясно, почему русский народ обратился за примером и молитвенной защитой к Грозному царю? Да потому что тот за время своего правления нарабатал огромный духовный, политический и военный опыт по преодолению тех угроз, которые ныне опять нависли над Россией.

Вовсе не некое «мифологическое переосмысление» вызвало в народе интерес к личности Грозного, а то, что он сумел с угрозами справиться, и это делает его самого, его мировоззрение и методы востребованными именно в наше время. Вот почему вокруг личности первого Русского царя – помазанника Божьего – идут такие ожесточенные идеологические битвы, смысл которых непонятен стороннему наблюдателю. На самом деле вопрос стоит о том, каким путем пойдет русский народ и Русское государство, и это для нас вопрос жизни и смерти.

Но сохранение целостности Российского государства и национальной идентичности государствообразующего русского народа неотделимо от вопроса о власти, ибо только имея в руках всю полноту власти, можно преодолеть вызовы современности.

¹ Архимандрит Макарий (Веретенников). Эпоха митрополита Макария // Московский Церковный Вестник, № 3, 2003.

Именно потому, что речь идет о власти, царь Иоанн Грозный и подвергается сегодня такой неслыханной обструкции. А тут еще, опасаясь возрождения сильной и православной России, такие американские «друзья» нашего Отечества, как Альберт Гор, советуют нам идти «не путем Александра Невского, а путем Новгорода Великого» – то есть, не путем православной монархии, а путем торгашеской республики.

Собственно, Гора и других наших американских «доброхотов» можно понять. В нынешний ключевой исторический момент решаются судьбы мира, решается, по какому сценарию пойдет развитие человечества. Будет ли в американском Капитолии заседать новый сенат возрожденной языческой Римской империи, а все культурное, политическое и религиозное многообразие мира сменится единым Рах Америгана с его бесноватым президентом, вульгарным Голливудом и сальными гамбургерами? Либо же сохранится альтернатива этой вселенской пошлости в лице великой православной России, способной сказать миру спасительное слово истины и любви?

Как и сто лет назад,

*«Единство, – возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...»²*

Но, чтобы так было, необходимо прежде всего сохранить единство России, возродить ее как великую православную державу.

Именно этого – создания Великой Русской империи, преодолевшей все вызовы современного ей мира – смог в свое время добиться Иоанн IV. Государственное здание, построенное им, было так крепко, что устояло в Смуту и выдержало полтора столетия без «капитального ремонта» – до преобразований Петра Великого (считавшего себя последователем Грозного царя) Московского царства в Российскую империю.

Но и созданное Иоанном IV государство уже было империей в полном смысле этого слова. Не удивительно, что императором всех православных почитали царя томящиеся под османским игом народы: сербы, греки, болгары. И западные европейцы воспринимали Московское государство XVI века как империю. Француз Ж. Маржерет назвал свои мемуары о России конца XVI – начала XVII веков «Состояние Российской империи и Великого княжества Московского» с полным пониманием того, что в результате правления Иоанна Грозного Московское государство стало хотя и главной, но все же частью огромной империи, объединившей многие народы и царства.

Аналоги Московской империи надо искать не в Европе с ее абсолютной (а затем «просвещенной») монархией и «общественным договором» власти с народом, а в азиатской древности библейских времен. Основополагающие принципы Московского государства XVI–XVII вв. (облагороженные светом Христовой веры) были те же, что в архаических государствах Междуречья, Египта, доколумбовой Америки. Но лучше всего суть Московского государства можно понять по аналогии с Ветхозаветным Израилем, той частью его истории, которая протекала до Вавилонского пленения. В Византийской империи эти государственные принципы пережили крушение античного мира и вместе с православным учением о священстве и царстве попали на Русь. (Не случайно на пропаганду преемственности Московского царства, с одной стороны, от Рима – как первого центра христианства, а с другой, от Вавилона – как первого на земле царства, была направлена значительная часть русской литературы XVI века от «Степенной книги» до «Повести о Борме Ярыжке»).

² Тютчев Ф.И. Два единства.

Для всех государств подобного, архаического, типа были характерны:

1) Сакральность и самодержавность верховной власти.

Власть правителя была освящена высшими силами, а он сам либо приравнялся к боже-ству, либо был его «потомком»; он владел властью безраздельно, т. е. самодержавно (фараон, верховный инка, вавилонский царь, древние израильские цари).

В Московском царстве государь – помазанник Божий (помазанник по-гречески – Христос, по-еврейски – Мессия), он правит самодержавно и не зависит ни от каких социальных групп или партий, но действует в соответствии с законом Божиим во благо всех своих подданных, отвечая только перед Богом.

2) Государственная (общенародная – выражаясь современным языком) **собственность на землю.** Земля – Божия, она не продается, а дается всем людям в пользование от имени государства и олицетворяющего это государство самодержца. Как замечательно доказал И. Шафаревич³, государства Междуречья, Египет, империя инков практиковали государственное землевладение. То же явление мы наблюдаем и в древнем Хеттском государстве⁴. Земля отдавалась в пользование тем, кто служил государству (причем это были как мелкие служилые люди, так и высокопоставленные государственные сановники) и земледельцам.

В Московской Руси государственное землевладение пришлось создавать в ожесточенной борьбе с крупными землевладельцами – боярами и удельными князьями. На протяжении двух веков шло неуклонное сокращение частного землевладения и развитие поместной системы. Боярские и княжеские владения приравнялись к помещичьим наделям, которые давались только на время несения государственной службы, а с ее прекращением отнимались и возвращались в фонд государственных земель.

3) Сословная система организации общества. Сословия – социальные группы, различающиеся по своим обязанностям перед обществом и государством, несущие каждая свое особое послушание. Земледелец кормит воина и чиновника, воин защищает чиновника и земледельца, чиновник «наблюдает землю» и помогает государю управлять. Особенно важна в такой системе справедливость распределения обязанностей, так как от нее зависит восприятие различными сословиями возложенных на них тягот – как сизифова труда или как сотрудничества во имя общей цели.

Сам термин «сословие» (слово-язык-народ) обозначает нечто объединяющее нацию, с ярко выраженным положительным смыслом. Сословность – это государственное тело, живой государственный организм. Сословия трудятся совместно во имя сверхцели, сверхидеи, одинаково важной для всего народа. Например, совсем недавно признавалось аксиомой, что пирамиды в Египте возводились рабами. Но оказалось, что пирамиды строило все население Египта, разбитое на трудовые отряды, причем это строительство было сакральным действием, участвовать в котором считалось почетным.

В православном государстве сотрудничество поднимается на более высокую ступень. Здесь сословия трудятся во имя такого государства, которое является внешней стеной Церкви, способствуя ее трудам по спасению народа Божиего и, таким образом, работают не просто для какого-либо земного учреждения, а Бога ради.

В отличие от сословий, для которых вопрос собственности есть вопрос второстепенный, имеющий узкое значение «хлеба насущного», необходимого для сохранения жизнедеятельности, классы различаются по своему отношению к собственности и разделяют общество на группы, каждая из которых преследует свои частные меркантильные интересы, стремится захватить для себя в обществе определенные преимущества, а потому вступает в конфликт с другими классами. Такое противостояние разрушает общество изнутри, ибо, как известно,

³ Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории.

⁴ Манягин В.Г. История русского народа от Потопа до Рюрика.

«царство, разделившееся в себе, не устоит»⁵. Образно говоря, классы – это сословия, потерявшие веру в Бога, в жизнь вечную (однова живем, а умрем – закопают и лопух вырастет), потерявшие объединяющую сверхидею.

Нет сомнения, что московские государи, приступая к строительству своего государства, знали данные «архаичные» принципы и уже имели определенный план, который неуклонно выполняли, передавая знания от отца к сыну на протяжении столетий. Его важной составной частью было построение справедливого сословного общества, просвещенного христианским учением.

К концу XV века соединение таких принципов с Православной верой позволило создать государство, которое наши предки называли Святой Русью. Для них проявлением и подтверждением этого стало чудесное – бескровное – падение татарского ига в 1480 г. Но полного развития Святая Русь достигла при Иоанне IV, со времени царствования которого и начался бурный рост Московской империи.

Больше всего нынешние враги России и Православия боятся, что мы сможем повторить то «русское чудо» четырехвековой давности, поражавшее европейцев и много лет спустя (помните слова Карла Маркса о том, как «была ошеломлена» «изумленная Европа...» «внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи»⁶). Ведь Россия имеет удивительную способность восставать из пепла как птица Феникс.

⁵ Мтф., 12:25

⁶ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. Гл. 4.

Карамзин – фальсификатор истории

Самый верный способ не допустить Русского Воскресения – опорочить те идеи, которые двигали русским народом в период создания имперского государства, опорочить результаты тех титанических трудов, которые принесли славу и могущество России, опорочить того национального вождя, который возглавил движение русского народа к победе над его внешними и внутренними врагами – царя Иоанна Грозного.

Именно на это направлены уже более двухсот лет усилия историков, публицистов и журналистов либерального (в самом широком смысле данного слова) лагеря. Правда, до начала XIX века только отъявленные ренегаты, в основном из числа эмигрантов (вроде князя Курбского да Григория Котошихина), осмеливались порочить Грозного царя.

Однако все изменилось с появлением творений Карамзина. Митрополит Иоанн (Снычев) писал о них так: «Начиная с Карамзина, русские историки воспроизводили в своих сочинениях всю ту мерзость и грязь, которыми обливали Россию заграничные гости, не делая ни малейших попыток объективно и непредвзято разобраться в том, где добросовестные свидетельства очевидцев превращаются в целенаправленную и сознательную ложь по религиозным, политическим или личным мотивам. В наше сознание внедрен образ кровожадного и безнравственного тирана, убивающего своего сына».

Действительно, усилиями Карамзина в обществе восторжествовал взгляд на Иоанна IV как на некое кровожадное обезумевшее чудовище. Сам историограф Государства Российского сделал для того все возможное. «Без главы о Иване Грозном, – писал Карамзин в одном из своих писем, – моя история будет как павлин без хвоста». И потому раскрашивал этот «хвост» самыми мрачными красками. «Волосы вставляли у меня дыбом», – вспоминал граф А.К. Толстой о своем знакомстве с посвященным царю Иоанну томом из «Истории» Карамзина. И вскоре, под впечатлением от прочитанного, он написал по его мотивам своего «Князя Серебряного». А уже в конце XX века по этой повести сняли художественный фильм, который понес в широкие массы лживую легенду о кровавом Грозном царе. Одно сочинительство вызвало к жизни другое. Так творятся мифы.

Знаменитый церковный историк Н.Д. Тальберг говорил, что Карамзин буквально ненавидел Грозного царя. Литературовед И.И. Векслер отметил, что «История» Карамзина более тяготеет к художественной интерпретации, чем к точному и беспристрастному историческому анализу. Известный критик-демократ В. Белинский писал, что «главная заслуга Карамзина, как историка России, состоит не в том, что он написал истинную историю России, а в том, что он создал возможность в будущем истинной истории России».

Верно подмечено, что сочинение Карамзина более художественное произведение в стиле сентиментализма, нежели исторический труд. Однако это еще полбеды. Беда в том, что человек, получивший звание официального историографа Государства Российского, был болен тяжелой формой русофобии.

Посчитав, что уже отдал долг Родине, Карамзин в 18 лет (!) вышел в отставку с государственной службы и сошелся с масонами. С того времени Карамзин – член масонской «Ложы Златого Венца», человек, весьма близкий к известным деятелям русского масонства. По словам доктора исторических наук Ю.М. Лотмана, «на воззрения Карамзина глубокий отпечаток наложили четыре года, проведенные им в кружке Н.И. Новикова».

Отсюда молодой Карамзин вынес утопические чаянья, веру в прогресс и мечты о грядущем человеческом братстве под руководством мудрых наставников».

Добавим к этому – и презрение ко всему русскому: «...Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! – пишет Карамзин. – Грубость, народная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом высшем состоянии: для нас открыты все пути к утон-

чению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все народное ничто перед человеческим. Главное быть людьми, а не славянами»⁷. Ничто родное не трогает душу столь сентиментального в иных случаях «русского Тацита». Прогуливаясь вдоль кремлевской стены, он мечтает о том, как хорошо было бы ее снести, дабы она не портила панораму...

В то же время Карамзин преклоняется перед иностранными тиранами, с многими из которых он познакомился лично во время путешествия по Европе. В издаваемом Карамзиным журнале «Вестник Европы» можно прочесть: «Бонапарте столь любим и столь нужен для счастья Франции, что один безумец может восстать против его благодетельной власти». Декабрист Николай Тургенев вспоминал о Карамзине: «Робеспьер внушал ему благоговение...».

И это о людях, утопивших Европу в крови! Вот описание революционного Парижа сентября 1792 г. французским историком Тэном: «Неизвестно в точности, кто отдал приказ или внушил идею опустошить тюрьмы посредством избиения заключенных. Был ли то Дантон или кто другой – все равно... Во время самого совершения убийств не прекращалось веселье; танцевали вокруг трупов, устанавливали скамьи для «дам», желавших видеть, как убивают аристократов. При этом убийцы не переставали высказывать совершенно специфическое чувство справедливости. Один из убийц заявил трибуналу, что дамы, сидящие далеко, плохо видят, и что лишь некоторым из присутствующих выпадает на долю удовольствие бить аристократов. Трибунал признал справедливость этого замечания и решено было осужденных медленно проводить между шпалерами убийц, которые будут бить их тупым концом сабли, чтобы продлить мучения. Они кромсали совершенно обнаженные жертвы в течение получаса и затем, когда все уже вдоволь насмотрелись, несчастных приканчивали, вскрывая им животы...

Так, перерезав от 12000 до 15000 врагов нации, толпа немедленно подчинялась новому внушению. Кто-то высказал замечание, что и в других тюрьмах, там, где сидят старые нищие, бродяги и молодые арестанты, много находится лишних ртов, от которых недурно было бы избавиться; притом ведь между ними, несомненно, должны существовать и враги народа... Такие доводы показались настолько убедительными толпе, что все заключенные были перебиты гуртом, и в том числе около пятидесяти детей в возрасте от 12 до 17 лет, «которые ведь также могли со временем превратиться во врагов нации, поэтому лучше было отделаться от них теперь же»«.

Благоговей перед вдохновителями этого революционного террора, Карамзин между тем, обличает «террор» самодержавный. Как видно, двойные стандарты возникли не сегодня. Но фальшь карамзинских сочинений уже тогда вызвала отвращение у многих.

Сразу же по выходе карамзинская «История» подверглась критике со стороны всех православных и патриотически мыслящих людей того времени. Резко высказались о ней святитель Филарет (Дроздов) и адмирал Шишков. По словам кандидата исторических наук В.П. Козлова⁸:

«...Весьма показательны для творческой лаборатории Карамзина серьезные «текстологические лукавства», подмеченные еще Н.И. Тургеневым, Н.С. Арцыбашевым, Ф.В. Булгариным. Их можно разделить на два типа. Для первого характерно исключение в «Примечаниях» тех мест источников, от которых Карамзин отступал в повествовании. В этих случаях историограф в «Примечаниях» предпочитал ограничиться общей ссылкой на источник...

...Другой тип «текстологических лукавств» историографа – публикация в «Примечаниях» только тех частей текстов источников, которые соответствовали его повествованию, и исключение мест, противоречивших этому.

...Потребительское использование Карамзиным источников вызвало немало критических замечаний у современников. Будущий поклонник историографа М.П. Погодин после пер-

⁷ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника.

⁸ Козлов В.П. Н.М. Карамзин – историк.

вых чтений «Истории» назвал это «непростительным». То же самое отмечал Ф.В. Булгарин в разборе 9-го тома. «Вообще, – писал он, – кажется странным, что Маржерет, Петрей, Бер, Паерле, многие польские писатели и подлинные акты приводятся по произволу, в подкрепление мнений почтенного историографа, без всякого доказательства, почему в одном случае им должно верить, а в другом – не верить».

Николай Сергеевич Арцыбашев (1773–1841) написал ряд критических работ, объединенных под общим названием «Замечания на «Историю» Н.М. Карамзина». В частности, он доказал крайнюю недостоверность одного из основных источников которыми пользовался Карамзин для составления IX тома своей «Истории» – сочинения князя Курбского «История о Великом князе Московском».

Другим защитником Грозного царя стал Иван Егорович Забелин (1820–1908) основатель Российского исторического музея, автор исследований о быте русских государей. Вот что он пишет: «...Каждый разумный историк встанет на сторону Грозного, ибо... он содержал в себе идею, великую идею государства...». В тетради «Заметки» за 1893–1894 годы Забелин, оппонировав Карамзину, восклицает от имени царя: «Чего ужасаетесь? Вспомните, историки-подзуды, каков был Новгород Великий, какую кровь он проливал от начала до конца своей жизни, погублял свою братию неистово, внезапно. Сколько побитых? Они все здесь. Переспросите их. Каково было их житие? Кто управлял событиями в татарское время и заводил кровь между князьями? Все это мне пришло в голову в 1570 г., и я наказал город по-новгородски же, как новгородцы наказывали друг друга... в давние лета. Ничего нового я не сочинял. Все было по-старому. Только в одно время, в шесть недель повторено то, что происходило в шесть веков. А казнил за измену, за то, что хотели уйти из единства в рознь. Я ковал единение, чтобы все были как один человек».

Кстати, императрица Екатерина II, полемизируя с Радищевым (который в «Путешествии из Петербурга в Москву» также обличал «жестокость» Иоанна IV), возражает дворянскому вольнодумцу: «Говоря о Новгороде, о вольном его правлении и о суровости царя Иоанна Васильевича, не говорит о причине сей казни, а причина была, что Новгород, приняв Унию, предался Польской Республике, следовательно, царь казнил отступников и изменников, в чем, по истине сказать, меру не нашел. Сочинитель вопрошает: «Но какое он имел право свирепствовать против них, какое он имел право присвоить Новгород?» Ответ: древность владения и закон Новгородский и вся Россия и всего света, который наказывал бунтовщиков и от церкви отступников».

Вот причина суровости царя Иоанна к новгородцам: бунт и стремление отделиться от Москвы (сепаратизм, говоря современным языком) и отступление от православия в ересь жидовствующих. Уже упоминавшийся выше Забелин говорит о том же: «Он выводил измену кровавыми делами. Да как же иначе было делать это дело? Надо было задушить Лютого Змия – нашу славянскую рознь, надо было истребить ее без всякой пощады... Понятно, почему так рассвирепел Иван Грозный, услышав об измене Пимена, что хотел отдаться Литве».

Крупный литературный критик, социолог, публицист (и демократ!) второй половины XIX века Николай Константинович Михайловский (1842–1904), комментируя сочинения Карамзина и его последователей, замечает: «Наша литература об Иване Грозном представляет иногда удивительные курьезы. Солидные историки, отличающиеся в других случаях чрезвычайной осмотрительностью, на этом пункте делают решительные выводы, не только не справляясь с фактами, им самим хорошо известными, а... даже прямо вопреки им: умные, богатые знанием и опытом люди вступают в открытое противоречие с самыми элементарными показаниями здравого смысла; люди, привыкшие обращаться с историческими документами, видят в памятниках то, чего там днем с огнем найти нельзя, и отрицают то, что явственно прописано черными буквами по белому полю».

И среди советских ученых были исследователи, которые подходили к рассмотрению фактической стороны данного вопроса объективно. Один из них, академик Степан Борисович Веселовский (1876–1952), так охарактеризовал итоги изучения эпохи Грозного: «В послекарамзинской историографии начался разброд, претенциозная погоня за эффектными широкими обобщениями, недооценка или просто неуважение к фактической стороне исторических событий... Эти прихотливые узоры «нетовыми цветами по пустому полю» исторических фантазий дискредитируют историю как науку и низводят ее на степень безответственных беллетристических упражнений. В итоге историкам предстоит, прежде чем идти дальше, употребить много времени и сил только на то, чтобы **убрать с поля исследования хлам домыслов и ошибок, и затем уже приняться за постройку нового здания**».

Советский историк Даниил Натанович Альшиц, стоявший на марксистских позициях, жестко критиковал источниковедческую базу карамзинской «Истории»: «Число источников объективных – актового и другого документального материала – долгое время было крайне скудным. В результате источники тенденциозные, порожденные ожесточенной политической борьбой второй половины XVI века, записки иностранцев – авторов политических памфлетов, изображавших Московское государство в самых мрачных красках, порой явно клеветнически, оказывали на историографию этой эпохи большое влияние... Историкам прошлых поколений приходилось довольствоваться весьма путаными и скудными сведениями. Это в значительной мере определяло возможность, а порой и создавало необходимость соединять разрозненные факты, сообщаемые источниками, в основном умозрительными связями, выстраивать отдельные факты в причинно-следственные ряды целиком гипотетического характера. В этих условиях и возникал подход к изучаемым проблемам, который можно кратко охарактеризовать как примат концепции над фактом».

Не зарастет к царю народная тропа...

На протяжении двух столетий не затихает полемика с последователями Карамзина, которых, к сожалению, достаточно и среди церковных, и среди светских историков: митрополит Макарий (Булгаков), А.П. Доброклонский, А.В. Карташев, М.М. Щербатов, М.П. Погодин, Н.Г. Устрялов, Н.И. Костомаров, Д.И. Иловайский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, С.Б. Веселовский. Из советских историков – противников царя Иоанна можно назвать известного (и весьма компетентного) ученого Р.Г. Скрынникова, Зимина и Хорошкевич, Кобрин, С.О. Шмидта. По форме объективную, но, по сути, антицарскую позицию занимает в своих книгах Б.Н. Флоря. Все они, так или иначе, склоняются к негативной оценке личности царя Иоанна Грозного.

С другой стороны, и тех ученых, которые противостояли огульному очернительству державной политики Иоанна Грозного, было немало. В той или иной мере к таковым можно отнести Н.С. Арцыбашева, И.Е. Забелина, Е.Е. Голубинского, К.Д. Кавелина, К.Н. Бестужева-Рюмина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.А. Мей, А.И. Сумбатова, Р.Ю. Виппера. В сталинский период, благодаря личным симпатиям Иосифа Виссарионовича к царю Иоанну, появилась возможность публиковать объективные исторические работы о Грозном. В частности, можно отметить труды историков С.В. Бахрушина и И.И. Смирнова.

Однако после начала хрущевской «оттепели» правда о царе Иоанне вновь оказалась под запретом. Автору известны случаи целенаправленного воспрепятствования работе тех исследователей, которые положительно оценивали историческую роль Ивана Грозного. И только после 1991 г. стало возможным открыто заявлять по спорному вопросу точку зрения, отличную от официальной. Сегодня, как уже говорилось, вокруг наследия царя Иоанна IV идет ожесточенная борьба.

Показательным примером ее можно назвать попытку (2005 г.) установить памятник царю Иоанну в г. Любим Ярославской области. Местная администрация согласилась оплатить расходы по проектированию и установке монумента, а за его создание взялся скульптор Зураб Церетели. Идею установки памятника поддержали и жители города.

Однако решительный протест по этому поводу высказала Ярославская епархия РПЦ МП и лично архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл, который в своем послании губернатору, областному прокурору и главному федеральному инспектору потребовал не устанавливать памятник царю Иоанну IV. В обоснование такого требования был приведен абсолютно абсурдный предлог, будто установка памятника Иоанну Грозному приведет «к самым непредсказуемым последствиям, ухудшит криминогенную ситуацию в районе» и может стать «дестабилизирующим фактором».

Такая позиция высокопоставленного церковного иерарха удивительна только для тех, кто «не в теме» и плохо представляет себе отношения государства и церкви. Среди многих архиереев РПЦ царят антимонархические настроения, популярные еще со времен февральской (1917 г.) революции, когда почти все представители православного священноначалия приветствовали «новую жизнь» без царя, ожидая некой свободы. Урок послереволюционных гонений явно не пошел им впрок, и они по-прежнему видят главную для себя опасность не в гонениях от безбожной власти, а в по-отечески строгой руке помазанника Божия. Можно назвать, например, митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации, который выступил на Архиерейском Соборе РПЦ МП (октябрь 2004 г.) с развернутой, но беспомощной критикой сторонников державной политики Иоанна Грозного.

Позицию царекборцев в Русской Православной Церкви поддерживают Александр Дворкин, Владислав Петрушко, прот. В. Цыпин, диакон Андрей Кураев, архимандрит Макарий (Веретенников) и многие другие, «имя им легион».

Неспособные к честной дискуссии, ограниченной рамками фактов, они распространяют свое неприятие самодержца на всех тех, кто сегодня не спешит покорно послушествовать их клевете, а стремится иметь свой, православный, патриотический, русский взгляд на историю Великой России и на роль в ней первого русского царя – помазанника Божьего Иоанна Васильевича Грозного.

Присвоив себе право говорить от имени «полноты» Православной Церкви, эти господа вместо спокойного и научного исследования начинают поиск «раскольников» и «сектантов», пытаются натравить на всех им неудобных не только церковные, но и светские власти, для чего развешиваются ярлыки типа «ереси царбожничества», измышляются несуществующие «требования канонизации» царя Иоанна. В ход идут клички вроде «религиозных экстремистов» и даже «православных ваххабитов».

«Идея такой канонизации – провокационная», – вновь и вновь как заклинание, повторяют современные цареборцы. Конечно, это провокационная идея! Ими самими выдуманная, ими раздуваемая, ими насаждаемая в умах доверчивых людей. Никто из выступивших в печати исследователей – сторонников царя Иоанна Грозного и не думал ни «требовать», ни просить о его канонизации. Да и зачем? Из церковных документов известно, что царь еще три столетия назад прославлен как местночтимый святой.

В фарватере вышеназванных церковных и светских исследователей идет множество других, весьма активно подвигающихся на ниве цареборчества авторов, в том числе журналистов и публицистов, таких, как Э. Радзинский, Б. Кнорре, С. Бычков (не путать с Русланом Бычковым), А. Крылежев, С. Чапнин и пр.

Лучше всего отношение «научного мира» к Иоанну Грозному иллюстрирует следующий пример.

В Александровой слободе (музее, значительная часть экспозиции которого посвящена царю Иоанну Грозному) в одной из палат на стене находится описание обряда венчания Царя со своей N-ной «женой». В начале 2000-х гг. на просьбу автора сделать копию данного «документа», заведующая музеем дала совершенно сногсшибательный ответ: «Понимаете, от XVI века сохранилось очень мало письменных источников. Поэтому мы взяли описание брачного обряда XVII века и использовали его. Ведь обряд за сто лет не изменился...».

Но в табличке на стене ясно говорилось о том, что это описание свадьбы Ивана Грозного, и даже указывалось с кем... И никого не волнует, что для любого экскурсанта такая филькина грамота послужит «научным доказательством» и царского «многоженства», и «некомпетентности» тех, кто пытается очистить образ царя от потоков нечистот, которые лили и льют на него «компетентные» историки. Иначе говоря, для самих научных сотрудников, в случае, когда речь заходит о царе Иоанне Грозном, подобное пренебрежение историческими фактами и введение в заблуждение «простого» посетителя музея (либо читателя книги) является нормой.

Первым из наших современников, кто попытался разорвать паутину лжи, сплетенную вокруг личности и дел Грозного царя, был приснопамятный митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев, 1995), один из самых почитаемых за свое благочестие и любовь к России иерархов Русской Православной Церкви, доктор исторических наук, автор нескольких книг по церковной и светской истории.

Его известный труд «Самодержавие Духа» (1993 г.) – книга, посвященная истории русской государственности в свете учения о симфонии светских и духовных властей. В ней митрополит Иоанн бескомпромиссно встал на защиту царя Иоанна Васильевича, посвятив ему две главы и написав, в частности о царе следующие слова: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. Это евангельское изречение, пожалуй, точнее всего передает суть многовекового спора, который ведется вокруг событий царствования Иоанна Грозного... Не было никакого «тирана на троне». Был первый русский царь – строивший, как и его многочисленные предки, Русь – Дом Пресвятой Богородицы и считавший себя в этом доме не хозяином, а первым слугой».

Владыка Иоанн собрал тогда под свое крыло многих из тех, кто в конце 90-х годов прошлого века и в начале нашего продолжил его труды по очистке русской истории от либеральных и западнических наслоений. Среди них можно указать таких известных ныне в православно-патриотической среде историков и публицистов, как К. Душенов, С. Фомин, А. Хвалин, Л. Болотин.

В октябре 2002 года в Москве прошла конференция «Исторические мифы и реальность», посвященная, в том числе, и различным аспектам истории царствования Иоанна Васильевича Грозного. Конференция была организована по благословению весьма почитаемого в Православной церкви старца Николая (Гурьянова). Известно, что он не только положительно отзывался о царе Иоанне IV, но и имел в своей келье его икону.

Конференция стала смотром патриотических сил России, в ней приняли участие известные православные историки, публицисты, писатели и общественные деятели: диакон Евгений (Семенов), Т. Миронова, С. Фомин, Л. Болотин, А. Хвалин, И. Евсин, В. Саулкин, Ю. Самушенко, А. Сенин, В. Осипов (не путать с профессором А. Осиповым!) и многие другие. Среди тех, кто продолжает труды свт. Иоанна (Снычева), можно назвать таких разных людей, как политолог С. Шатохин, глава православных хоругвеносцев Л. Симонович-Никшич, игумен Алексей (Просвирин), юрист В. Ерчак (Белоруссия), канд. ист. наук Н.Н. Скуратов, историк и канд. филос. наук Н.И. Виноградов.

Поэтому попытка механически соединить в некое единое маргинальное движение и загнать в социальную резервацию столь широко представленные, но весьма различные слои патриотической общественности была заранее обречена на провал.

Как замечает один из «наблюдателей» со стороны антицарского лагеря Б. Кнорре, «... жизнь показывает, что почтение к фигуре Ивана Грозного растет в обществе не только на периферии российской политики... Фигура Грозного становится все более заметной в общественно-политическом пространстве, причем с явной положительной переоценкой, в особенности, когда нужно подчеркнуть имперскую сущность России и указать на пагубность для России «ненавистного сепаратизма»».

Действительно, с начала 2000-х годов различные общественные и политические движения все чаще говорят о необходимости пересмотра в сторону положительной оценки идейного и политического наследия Иоанна Грозного.

Так, одной из партий, которые декларируют обращение к опыту Грозного царя для возрождения современной России, является «Международное евразийское движение» Александра Дугина, указывающего на необходимость создания параллельной иерархии и элиты в виду загнивания ныне существующей. По его мнению, эта иерархия должна представлять собой «Русский Орден» новых опричников.

Появляются и статьи светских авторов, которые (без обращения к религиозным аспектам) дают высокую оценку правлению царя Иоанна Васильевича. Такова, например, статья политолога М. Брусиловского «Грознодицея» в которой он крайне положительно оценивает правление Иоанна Грозного как победителя сепаратизма, основателя империи, которая смогла устоять в период Смуты.

В октябре 2013 г. газета «Московские ведомости» провела круглый стол по теме «Защита русских национальных святынь», в рамках которого обсуждался вопрос об установке памятника Ивану Грозному в центре Москвы.

Передачи, ставящие вопрос о положительной переоценке роли Грозного царя, неоднократно транслировались на радио (несколько прямых эфиров на «Радио FM» с участием В. Мединского, радио «Комсомольская правда») и на телевидении: трехсерийный документальный фильм «Иван Грозный. Портрет без ретуши» (телеканал «Звезда»), «Черные мифы о Руси. От Ивана Грозного до наших дней» (РТР) и многие другие.

Как показывает история с установкой памятника царю в Ярославской области, отношение к Иоанну Грозному меняется и в органах государственной власти. Вряд ли подобное происходит случайно, скорее, является осознанием как гражданским обществом, так и представителями власти необходимости противостоять разрушительным, антигосударственным и антинациональным тенденциям и использовать для этого имеющийся положительный опыт прежних веков.

«Выходит, – печально отмечает в своей статье Б. Кнорре, – что помимо «церковного формата» складывающегося культа Грозного, опричные симпатии отвоевывают себе все больше пространства и в светском российском обществе. Глорификация Ивана IV бытует не только в среде националистических маргинальных групп, но проявляет себя уже и на вполне официальном уровне, в среде политической элиты, как показывает ситуация с памятником. В общем «тропа» к Ивану Грозному в России «не зарастет», а скорее, будет в ближайшее время еще больше «расчищена»...»

Что тут скажешь? Аминь!

Мистическая геополитика

Однако зададимся вопросом: почему же такую неприкрытую ненависть сначала в Европе, а потом и среди доморожденных либералов, вызывает вот уже в течение четырехсот лет именно царь Иоанн Грозный?

Для ответа на этот вопрос придется вернуться на пять столетий назад, в эпоху так называемых «географических открытий». Когда в конце XV – начале XVI века начался процесс «освоения» европейцами других материков, между Испанией и Португалией возник территориальный спор: они никак не могли поделить между собой – ни много ни мало – весь остальной мир. Тогда они попросили рассудить их папу Римского. Тот решил просто: провел по карте линию, и все, что оказалось с одной стороны – отошло к Испании, а с другой – к Португалии.

Но вскоре в гонку за раздел мира вступили и другие европейские страны: католическая Франция и протестантские Англия и Нидерланды. При всех нюансах, политику колониальных стран по отношению к захваченным территориям роднили две основных тенденции: стремление освоить материальные ресурсы своих колоний и жестокое, вплоть до геноцида, отношение к аборигенам.

Хуже всего обстояли дела на территориях, захваченных протестантами, прежде всего, на территории будущих Соединенных Штатов. Протестанты просто уничтожали аборигенов, не признавая их за творение Божие. При этом использовались самые подлые методы. Например, индейцам в обмен на шкуры давали зараженную оспой одежду и одеяла, отравленную пищу и т. п. Вымирали целые племена. Всему миру известна американская поговорка: «Хороший индеец – мертвый индеец». За скальп мертвого индейца (не только мужчины, но и женщины, и ребенка) выдавалось денежное вознаграждение. За два столетия на североамериканском континенте было уничтожено свыше 90 % обитавших там коренных народов.

Также бесчеловечно действовали англосаксы и в других частях света. Подавляя восстание сипаев в Индии, англичане привязывали пленных к отверстиям пушечных стволов и разрывали их в клочья орудийными выстрелами. В Австралии «цивилизованные британцы» полностью уничтожили аборигенов острова Тасмания. Подобные примеры можно множить до бесконечности.

Если присмотреться, то станет ясно, что особенности европейской экспансии «нового времени» в Азии, Америке и Африке полностью совпадают с основными чертами современного глобализационного процесса: локальные войны с применением современных, недоступных противнику, видов вооружений; разрушение государственных и социальных структур на захваченных территориях; овладение природными и трудовыми ресурсами; уничтожение «излишков» (не задействованных в необходимом захватчикам производстве) населения; рабство и резервации для оставленных в живых; использование местной элиты для достижения своих планов. Производство наркотиков (Афганистан), черный рынок внутренних органов (Косово), деградация и война всех против всех (Ливия, Ирак, Сирия) – вот неполный перечень современных «даров» глобализации, которые Запад несет на завоеванные территории.

Не покрывив против исторической истины, можно назвать «эпоху географических открытий» (а, по сути, начало эпохи колониализма) стартом процесса глобализации. Примерно в то же время (XIV–XV вв.) происходят принципиальные изменения в религиозной, социальной и культурной жизни Европы, которые обусловили перерождение христианской европейской цивилизации в так называемую иудео-христианскую, ставшую питательной почвой для современного мондиализма (религиозной составляющей глобализации).

Таким образом, в XV–XVI вв., когда в Европе победило «новое» мышление, закончился период господства христианства, «средние века» (средние – между языческой античностью и «возрождением» язычества), а сама Европа стала мировым гегемоном, сложились как идеоло-

гические, так и геополитические предпосылки завершающегося ныне процесса глобализации. Нетрудно заметить, что сам процесс растянулся на пять столетий. Является ли такой долгий инкубационный период естественным, или он есть следствие каких-либо препятствий на пути «европейского прогресса»?

Тут надо вспомнить, что большинство православных народов ожидали кончину мира и Второе пришествие Христова также на переломе XV и XVI веков – в 1492 году, когда исполнилась седьмая тысяча лет от сотворения мира. Но кончина мира не состоялась, она была отодвинута волей Всевышнего.

И не последней причиной тому явилось возникновение Третьего Рима – Православной удерживающей империи. Это была Русь, которая в 1480 году стала единственным в мире независимым православным государством. С того момента и начался бурный духовный и физический рост Московской Руси, охватившей через пару столетий 1/6 часть суши.

Переломным моментом в истории Русского государства стало время правления царя Иоанна Грозного. Если его отец и дед завершили объединение всех свободных русских княжеств в единое государство, то перед ним стояла более грандиозная внешнеполитическая задача. С одной стороны, царь Иоанн IV должен был вернуть отторгнутые у России во время татаро-монгольского ига юго-западные территории, а с другой – нейтрализовать угрозы, исходящие от осколков Золотой орды (Казани, Астрахани и Крыма) и от западных стран – Швеции, Ливонии, Литвы и Польши. Это означало войну на выживание, избежать которой не было никакой возможности. Русь должна была или победить, или погибнуть в той борьбе.

Как отмечает доктор исторических наук Н. Скуратов, «главная угроза заключалась в том, что в это время возникли благоприятные условия для объединения под главенством Турции татарских ханств и многочисленных кочевых орд Причерноморья и Северного Кавказа. Такое объединение было чревато утратой нашей независимости и новым, еще более жестоким игом». И названная угроза – не преувеличение, достаточно вспомнить пятивековое османское иго над славянскими народами Балканского полуострова, продлившееся до конца XIX века.

Задача осложнялась еще и тем, что Московская Русь впервые за триста лет выступала на международную арену как суверенное государство. До того времени она находилась под протекторатом Золотой орды и действовала как один из ее субъектов, причем большую часть политического и военного потенциала Москвы поглощала борьба за единство Руси.

Еще большие трудности создавала необходимость одновременно с военным противостоянием внешнему противнику вести борьбу с противником внутренним (ересью жидовствующих в Церкви и сепаратизмом князей) за укрепление самодержавной власти в стране. Это требовало социальных и экономических преобразований, наведения порядка в Церкви и реформы правительственного аппарата.

С большинством из поставленных задач, как внешних, так и внутренних, царь Иоанн Грозный блестяще справился. В результате его правления Россия увеличила свою территорию вдвое – с 2,8 до 5,4 млн. кв. км; прирост населения составил от 30 до 50 %; было основано 155 новых городов и крепостей. Были присоединены царства Казанское, Астраханское, Сибирское, Ногайская орда, часть территории Северного Кавказа (Пятигорье).

Вопреки наветам, Грозный царь оставил после себя мощное государство и армию, позволившие его наследникам одержать победу в войне над Швецией и выставлять в поле полумиллионное войско (в 1598 г.). В разоренном государстве такое невозможно. Все словно забывают, что между правлением Бориса Годунова (1598–1605 гг.), приведшего страну к разорению и Смуте и смертью Царя Иоанна IV (1584 г.) лежит 14-летнее царствование ев. царя Феодора Иоанновича⁹ (1584–1598 гг.). Все эти годы Россия была мощным, стабильно развивающимся государством, одержавшим победу в войне со Швецией.

⁹ Царь Феодор Иоаннович – местночтимый святой Московской епархии, службы которому совершаются и поныне, в

В результате правления Иоанна Грозного Россия переросла масштабы царства и превратилась в мировую сверхдержаву, Православную империю. Сдерживаемый прежде в узких географических границах русский народ после побед над Казанью вырвался как бурный поток на пространство Азии и в XVII веке вышел к берегам Тихого океана, а затем перешагнул Берингов пролив и ступил на землю Северной Америки.

Так возникла русская альтернатива западной глобализации – великая православная страна, которая стала отдельным самостоятельным миром.

По историческим меркам рост русского государства был сродни взрыву – так быстро и бурно увеличивались его территория, народонаселение и государственная мощь. Впрочем, справедливости ради, надо сказать, что столь же быстро росли и западные мировые империи – Испанская, Португальская и Британская.

Однако внешнее сходство роста Российской империи и западных колониальных гигантов скрывало под собой принципиальные различия. И, прежде всего, это были различия духовного плана.

Если западные страны ставили перед собой задачи захвата территорий, достижения геополитического превосходства, извлечения материальной выгоды, то Русь как Православная империя – хранительница истины, удерживающая мировое равновесие, – имела совсем иные приоритеты.

Они проистекали из функций православного государства, являющегося внешней оградой для Церкви Христовой, способствующего ей в спасении душ человеческих через приведение их ко Христу Отсюда и традиционно бережное отношение России к народам, входившим в ее состав: разработка для них письменности, миссионерская деятельность Православной церкви, запрет межплеменных войн. История мордвы, удмуртов, татар, якутов прямо противоположна истории ирокезов, майя, инков, палава¹⁰ и сотен других племен и народов, исчезнувших под железной пятой западных «цивилизаторов». Западные государства, лишившись истинной веры Христовой после отпадения римо-католиков в ересь (XI в.), стали внешней оболочкой над губительной пустотой, действовали во имя свое, а не во имя Божие, превратились в инструмент насилия господствующих классов – и только.

Две растущие силы – Запад и Россия – стали антагонистами, исходя из своей глубинной сути. Христос и Россия с одной стороны, антихрист и Запад – с другой. Такова дилемма человечества в последние пять веков его существования, достигшая максимального напряжения в наше время.

Веками Россия была тем бревном на дороге глобализации, о которое споткнулись все ее вожди – от римских пап и их псов-рыцарей до Наполеона и Гитлера.

В конце XX века, после развала Советского Союза, Запад открыто заявил, что главным врагом для него является Православие. Понимая, что без православной веры не будет ни России, ни русских, глобализация борется с Православием всеми возможными способами: то оружием, как в Сербии, то пытается сокрушить его, подточив изнутри, как в России.

Смертельную опасность, как и пятьсот лет назад, для церкви представляет ересь жидовствующих – тех, кто под православную личиной кощунственно глумится над всем, что свято для Православия и, отрицая Христа Распятого и Воскресшего, отрицая Святую Троицу, почитание икон и происходящих от них чудес, ожидает своего лжемессию, помогая ему воцариться над миром. Но на пути у него снова встала так и не побежденная Святая Русь.

Да, наш народ и наша страна находятся сейчас в тяжелейшем кризисе, вызванном противоборством между либерально-антихристианской и православно-консервативной моделью развития общества. Так было уже не раз в русской истории, такая борьба развернулась и в наше

том числе и с участием Патриарха Московского и всея Руси.

¹⁰ **Палава** – аборигены о. Тасмания, полностью уничтоженные в XIX в. английскими колонизаторами.

время. В этой борьбе Грозный царь стал знаменем для партии, выступающей за возрождение России.

Хулители царя Иоанна внутри Русской Православной Церкви являются одновременно сторонниками экуменизма (религиозного аспекта глобализации), церковного обновленчества, врагами всего святоотеческого и святорусского, а значит – противниками сильной и суверенной России.

Эти люди не заинтересованы в выяснении истины, они стремятся только к одной цели – захватить в Церкви власть, разложить ее изнутри, привести к союзу с Велиаром и лишить таким образом Россию и русский народ возможности возрождения, потому что ни Россия, ни русский народ без истинной Православной Веры и Церкви существовать не смогут. Поэтому адепты глобализма внутри Церкви стремятся очернить память основоположника Русской Православной империи и глухи к любым призывам непредвзято исследовать значение, которое царь Иоанн Грозный сыграл в истории нашей страны.

Часть II

Апология Грозного царя

Сравнительная историография

Вся человеческая история состоит из мифов, легенд и сказок. Одни из них появились в седой древности, другие – недавно, третьи складываются прямо на глазах наших изумленных и растерянных современников. Мифу об Иоанне Грозном четыреста лет. Четыре столетия его заботливо взращивали на почве страха и ненависти, предательств и подлогов, пока он не покорил весь мир. В школьных учебниках и в исторических трактатах уважаемых исследователей миф приобрел вид очевидной истины. Не знать его – стыдно, не соглашаться с ним – невозможно. Еще на школьной скамье мы узнали, каким деспотом был Иоанн и какими кровавыми преступлениями он вписал свое имя в историю. Казни невинных людей, разгром вольнолюбивого Новгорода, убийство собственного сына...

Но даже если все преступления, приписываемые Иоанну IV историками, совершены им в действительности, чем же он выделялся среди правителей XVI века? Нравы тогда были суровые повсеместно. Польский историк Валишевский обращает внимание на то, что происходило в Западной Европе: «Ужасы Красной площади покажутся вам превзойденными. Повешенные и сожженные люди, обрубки рук и ног, раздавленные между блоками... Все это делалось среди бела дня и никого это ни удивляло, ни поражало». Католический кардинал Ипполит д'Эсте приказал в своем присутствии вырвать глаза родному брату Джулио. Шведский король Эрик XIV казнил в Стокгольме 94 сенатора и епископа. Герцог Альба уничтожил при взятии Антверпена 8000 и в Гарлеме 20000 человек.

В 1572 г. во время Варфоломеевской ночи во Франции перебито свыше 30000 протестантов. В Англии за первую половину XVI века было повешено **только** за бродяжничество 70000 человек. В той же «цивилизованной» Англии, когда возраст короля или время его правления были кратны числу «7», происходили ритуальные человеческие жертвоприношения: невинные люди своей смертью должны были, якобы, искупить «грехи» королевства.

В Германии при подавлении крестьянского восстания 1525 г. казнили более 100000 человек. Хагенбах, правитель Эльзаса, устроил праздник, на котором приглашенные мужчины должны были узнать своих жен, раздетых донага, но с лицами, закрытыми вуалью. Тех, кто ошибался, сбрасывали с высокой лестницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.